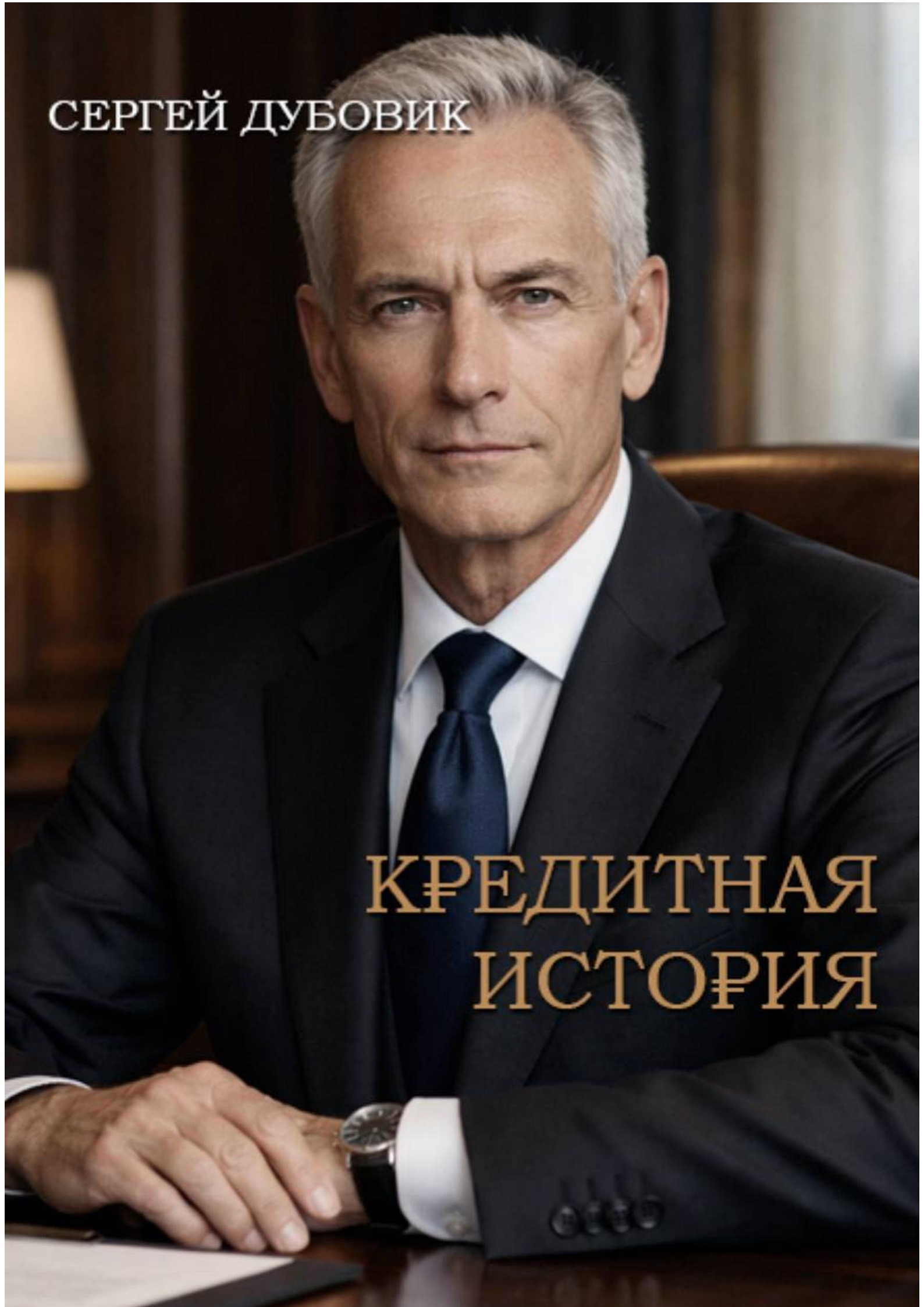

A professional portrait of a middle-aged man with grey hair, wearing a dark suit, white shirt, and dark tie. He is seated at a dark wooden desk, looking directly at the camera with a serious expression. His hands are resting on the desk, and a watch is visible on his left wrist. The background is a blurred office interior with a lamp and curtains.

СЕРГЕЙ ДУБОВИК

КРЕДИТНАЯ
ИСТОРИЯ

Сергей Дубовик

Кредитная история

«Автор»

2026

Дубовик С.

Кредитная история / С. Дубовик — «Автор», 2026

Обычная банковская сделка становится отправной точкой для непредсказуемой истории. Неожиданные повороты судьбы и невероятное стечение обстоятельств заставляют героев пересмотреть свои жизненные ценности и приоритеты.

© Дубовик С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дубенский	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Сергей Дубовик

Кредитная история

Глава 1. Дубенский

Сергей Петрович Дубенский относился к тому редкому и целеустремленному типу людей, которые достигают всего благодаря невероятно практичному складу ума, везению и знанию жизни. Он построил головокружительную карьеру, не имея за спиной абсолютно никого, кто мог бы похлопотать за него, заступиться или оказать необходимое содействие.

Будучи учеником второго класса школы, маленький Серёжа потерял родителей в жуткой автокатастрофе и остался на попечении у бабушки – слепнувшей день ото дня пенсионерки, которая к окончанию им школы и сама преставилась. В семнадцать лет Сергей остался совершенно один и по достижении совершеннолетия был призван на военную службу в армию. Безупречно отслужив, он демобилизовался вместе с приходом «Олимпиады-80» и вернулся уже самостоятельным, дисциплинированным мужчиной, каковыми иные и к тридцати годам теперь не вырастают. Обжившись некоторое время на «гражданке», Сергей устроился токарем на завод, где каждый второй работяга пил через день, а каждый третий ежедневно.

Сергей был беспристрастен к алкоголю и, с презрением наблюдая за охмелевшими и оскотинившимися «товарищами» по бригаде, не желал быть им подобным и ввязываться в самые непотребные уголовные сюжеты. Столь независимая и, в некотором смысле, «оскорбительная» для отдельных заводчан позиция Сергея повлияла на отношение к нему в бригаде, прижиться в которой было совсем не просто.

Бригадиром его оказался Василий Николаевич Антонов - человек деспотичного нрава и безмерно жёсткий, имевший к своим сорока пяти годам несколько тюремных сроков и зацепившийся в бригаде лишь потому, что приходился шурином начальнику цеха. В бригаде Василий Николаевич с нескрываемым удовольствием раздавал всем клички, нарочито устанавливая климат тюремного быта. К себе же требовал исключительного обращения: «Бригадир». Случилось однажды Сергею повздорить из-за кефира в заводской столовой на глазах у Бригадира и к нему тотчас прилипла кличка «Кефирчик».

Василий Николаевич всегда звал его намеренно громко и с какой-то характерной уничижительной тональностью, от которой рабочих бригады прорывало таким смехом, что Сергей был готов вцепиться Бригадиру в глотку и заткнуть его вопли. Тем не менее Сергей старался не реагировать и спешил поскорее исполнить указание, только бы не попасться Бригадиру на глаза, в очередной раз став посмешищем токарей.

Заводские будни были ему омерзительны, ровно так же, как и одинокое существование за пределами производственных стен. Днями напролет Сергею приходилось терпеть насмешки на заводе, а вечерами лицезреть опостылевшие узоры выцветших обоев в пустой квартире. Подобное существование было невыносимым, и Сергей почти отчаялся найти выход из замкнутого круга, не случись с ним нескольких неожиданных событий кряду.

Совершенно непристойная история произошла с ним спустя несколько месяцев трудовой деятельности. Однажды летним вечером он возвращался к себе через парк, который находился совсем рядом с его домом. В парке том была пивная – место злачное, наполненное завсегдатаями: от рабочего люда до многократных «сидельцев», воришек и тунеядцев, в общем, отребьем всех мастей. Мордобои и дразги были в ежедневном ассортименте питейного заведения наряду с сушками, воблой и пивом и являлись головной болью участкового.

С наступлением темноты Сергей оказался в самой «густой» части парка и, едва услышав шумную ссору, остановился, узнав голос Бригадира. Необъяснимый интерес заставил его

подойти поближе к закрывшейся час назад пивной. Встав за кустами, и оставшись незамеченным в свете одинокого тусклого фонаря, он прислушался к разговору. Двое мужчин стояли к Сергею спиной и требовали с Бригадира долг той отборной уголовной матерщиной и лексикой, что употребляется людьми со знанием и стажем.

Сергей уже намеревался ретироваться, не найдя ничего интересного в конфликте, как вдруг за дерзким отказом Бригадира в руках одного из требовавших долг блеснул нож, тотчас вонзившийся в грудь Василия Николаевича. Произошедшее было настолько молниеносным, что Сергей оцепенел, едва переводя дыхание. Сердце его бешено колотилось, как в следующие мгновение один из нападавших несколькими резкими ударами вонзил нож в живот должника, после чего две темные фигуры исчезли в кустах с другой стороны пивной.

Бригадир пошатнулся на слабеющих ногах, рассматривая окровавленную рубашку, не осознавая случившегося. Сергей же смотрел на него, не произнося ни слова. В один миг ему почудилось, что Василий Николаевич как-то даже осмысленно, насколько это позволяло его состояние, посмотрел в его сторону, точно увидел и узнал его. Сергей, по-прежнему, стоял без движения. Их взгляды встретились, после чего бригадир, издав несколько хриплых звуков, повалился на землю, что-то бормоча и стона. Дубенского резко бросило в жар, и, опомнившись, он рванул что есть силы в сторону дома, исчезнув в темноте парка.

Утром следующего дня, выйдя из подъезда, Сергей обратил внимание на участкового, который метался с блокнотом возле дома, безуспешно пытаясь собрать свидетельства вчерашнего убийства. Он вспотел на утренней жаре, неустанно бегая между подъездами и стараясь опросить жителей дома, выходявших утром на работу. Заметив Сергея, он быстро подбежал к нему и, задав несколько вопросов, сообщил, что убитый - «мужик с завода».

- И вот надо помереть-то было! – раздраженно восклицал участковый. – Смотри-ка, и ведь ни одна сволочь не позвонила в «скорую»! Кто только вечером в парке не ходит? И парочки там и собачники, и никто не видел! Как же так!? И главное, от тебя что требуется-то? Набери ноль три и беги, коль не хочешь участвовать. Скажи адрес, мол, умирает человек, и мотай куда глаза глядят... и, главное, помер, зараза, под утро и как назло на моем участке... вот бы кто часом раньше позвонил... что же за люди то такие!

Сергей неловко кивнул, развел руками и участливо вздохнул, показав всем видом свою неосведомленность. Пользуясь растерянностью милиционера, он неспешно направился в сторону от участкового, заметив, что тот уже кинулся к мужчине с собачкой, идущему из парка.

Новые обстоятельства смерти Бригадира отчасти потрясли Дубенского. Три дня до похорон он прислушивался к разговорам на заводе. Возвращаясь через парк, Сергей чувствовал себя как-то уязвимо и неуютно, если какой-нибудь прохожий вдруг заглядывал ему в глаза. Он старался быстро проходить мимо пенсионеров, игравших в домино в парке, а иной раз и вовсе менял маршрут, чтобы добраться до дома «инкогнито».

Дубенскому пришлось присутствовать на похоронах и последовавших поминках, которые превратились в омерзительный кутеж с участием друзей и родственников Василия Николаевича. Вытерпев не более часа в душном кафе, Сергей едва вырвался, вспоминая лишь заплаканное лицо жены и бессмысленный хмельной шум собутыльников новопреставленного.

Определённое изменение в нём случилось на следующий день. Он вдруг осознал, что при «удачных» обстоятельствах, совершив невыразимо низменный и греховный поступок, можно остаться совершенно безнаказанным и даже с некоторой выгодой, особенно если жертвой является «ничтожный» человек, к числу которых он относил Василия Николаевича.

Вторая же история случилась спустя несколько дней после смерти Бригадира и была совершенно невероятной. Спустя годы Дубенский вспоминал о ней исключительно в религиозном преломлении, хотя веры в нем не было и на горчичное зерно, как тогда, так и всю последующую жизнь.

В один из трудовых дней хриплый голос громкоговорителя, пылившегося под самой крышей заводского цеха, вызвал Сергея Дубенского к начальнику. В прокуренной «каптёрке» начальника цеха он узнал, что на завод прислали разнарядку на место в МГИМО и что он, как сирота и отслуживший армию, имеет полное право на поступление. «Тем более что никому на заводе эта МГИМО и даром не нужна», - заверил начальник цеха.

Сергей толком не знал, чему учат в МГИМО, но шанса своего решил не упускать, сочтя эту возможность не иначе как проведением судьбы.

Уволившись с ненавистного завода, он направился учиться и уже в первом семестре понял, что оказался одним из нескольких «пролетариев» на факультете, которыми скудно разбавили «голубую кровь» студентов высшего сословия.

Сергей не оскорбился и не пропал. Являясь человеком дисциплинированным, он занялся языками, проявив самые неожиданные способности в их изучении. На курсе он слыл разумным молодым человеком, ответственным товарищем, хотя и казался несколько замкнутым.

Дубенский к двадцати двум годам выглядел гораздо взрослее и целостнее многих сверстников. Высокий лоб, густая шевелюра, сухие и даже резкие черты лица, крепкая, сбитая фигура, а также серьезный взгляд его серых глаз в купе с новым «гардеробом», который он обновил за счет средств, полученных при увольнении с завода, вызывали неподдельный интерес со стороны девушек. Дубенский, меж тем, и сам интересовался сокурсницами, но, будучи абсолютно бесперспективным, на романтическом поприще глубоких отношений не снискал. Впрочем, настоящую тревогу вызывало у него будущее, а вовсе не отношения с сокурсницами и чем отчетливее видел он окончание института, тем чаще он осознавал, что через несколько лет наступит завтра, где его может не быть.

«Что тогда? Завод?» – задавался он вопросом, засыпая в пустой квартире на окраине Москвы.

Однако опасения Сергея оказались преждевременными и даже напрасными. Страну ожидал настоящий сюрприз – Перестройка, которая непредсказуемо закончилась исчезновением самой страны и стала «предтечей» новой эпохи, где перспектив у Сергея просматривалось гораздо больше, чем при старом укладе.

Дубенский пережил «перестройку» за сценой всеобщего отчаяния, поскольку терять ему было нечего и страданиями от исчезновения империи он вовсе не терзался. Был он сосредоточен только на себе самом и своем существовании. Жениться не спешил не потому, что не полюбил или время было «непростое», а просто варианта подходящего и перспективного не случилось. Дубенский вообще старался не подвергать себя тем рискам, которые могли бы остановить его в стремлении твердо встать на ноги или, что называется, «тепло устроиться». Он терпеливо сводил «концы с концами» в заштатном отделе МИДа, где застрял после распределения, в то время как его сокурсники обзаводились машинами и квартирами с манящими адресами внутри Садового кольца.

К тридцати годам Дубенский, как и весь народ новой страны, оказался невольным участником процесса первоначального накопления капитала, напоминавшего в большей степени насильственную экспроприацию, в суматохе которой, перепачканные по колено грязью и по локоть кровью, великодержавные граждане и «товарищи», принялись неистово делить прошлое чужой империи ради своего будущего. Аппетиты отдельных граждан непомерно росли, и в страну пришла «приватизация», а вслед за ней Дубенскому представился новый шанс, к которому он стремился много лет и уже не уповал на помощь Господа. Именно в это время о нем вспомнили его успешные институтские товарищи и предложили занять непонятную финансовую должность в неприметном чековом инвестиционном фонде.

Сергей Петрович Дубенский отвечал за скупку ваучеров у населения, которую проводил успешно, хотя и не без помощи «соответствующих» людей. Уже спустя год ему доверили при-

обретение акций доходных предприятий за те самые грошовые ваучеры, которые он приобретал ранее.

На протяжении своей новой деятельности Сергей Петрович зарекомендовал себя как исключительно надёжный человек, который чужого не брал, а своего не отдавал. Это правило в какой-то мере стало девизом его жизни, приверженцем которого Сергей Петрович остался и по сей день, нарушая его лишь при необратимом стечении обстоятельств.

Жизненные принципы Дубенского были достаточно «односложны», и это его ничуть не смущало. Разве заповеди, на которых должен был быть построен мир, не отличались простотой? Сергей Петрович осознанно занял свое место в мире, вовремя приняв, что всегда будут люди, стоящие над ним, и люди находящиеся ниже него. По собственному убеждению, он считал, что само его существование и ценность зависят оттого, насколько успешно он будет воплощать волю «вышестоящих» силами «нижестоящих». Такая позиция позволила ему окрепнуть духовно и смириться со своим бытием, конфликт с которым был категорически невозможен. Бунтарский дух во всех его проявлениях был чужд Сергею Петровичу и раздражал своим присутствием в других людях, неважно, отстаивали они свою гражданскую позицию или, чего смешнее, боролись за «вечные» ценности.

Репутация «правильного» человека позволила расширить его полномочия, и Дубенский был введён в доверительный круг лиц, которые реализовывали купленные акции с баланса фонда в пользу определённо непрозрачных структур по низкой стоимости, оставляя номинальные активы в фонде для последующей фактической ликвидации.

Спустя некоторое время хозяева фонда, как водится, разругались, и один из трёх совладельцев ушёл, пригласив с собой Дубенского. Сергей Петрович, знавший себе цену, сразу не согласился, а прежде уведомил о своём уходе двух оставшихся партнёров и, получив от них новое предложение, тотчас продался в два раза дороже первому.

Тем временем стране пришлось пережить ещё несколько войн и потрясений из которых Сергей Петрович вышел с честью и несколькими своевременно открытыми счетами в западноевропейских банках. Ослабевший рубль в конце века обогатил его многократно, а связи, приобретённые в период накопления капитала, позволили продолжить свой путь, который в новом веке был уже не столь примитивен и прост. Не желая терять своих позиций в современном мире, Дубенский получил дополнительное образование в области делового администрирования, после чего был преисполнен сил и знаний для продолжения игры без правил.

Переступив сорокалетний рубеж, он отчасти пересмотрел свои ветхозаветные постулаты, решив найти себя там, где стоящих над ним будет как можно меньше. Свой путь к независимости он начал с нескольких неудач, столкнувшись с легионом «новых» управленцев, состоявших из различного рода бездарных «мажоров» и отставных законников всех мастей. Новые заповеди открыли в нем особую неприязнь и презрение к людям, которым судьба даровала больше возможностей, и однажды он даже чуть не поплатился карьерой, позволив себе опрометчивое объяснение с очередным отставным самодуром.

Игра в капитализм нового века по-настоящему увлекала его и чем выше был «уровень», тем жестче и беспощадней становились игроки. Лишь добравшись до должности вице-президента банка, Сергей Петрович наконец перестал оборачиваться или смотреть вниз на лестничные пролеты своей карьеры, где стыли бездыханные тела поверженных игроков.

Во все годы Дубенский, в отличие от многих коллег, учился слушать людей и выбирать из них тех, кто мог быть ему полезен. Собственный интерес, азарт наживы был главенствующим мотивом в выборе партнёров, поскольку друзей Дубенский предпочитал не иметь, неоднократно убеждаясь в человеческой глупости, слабости и приверженности необузданным страстям. Прагматичный утилитаризм на долгие годы связал его с очень полезным человеком - Германом Зиминим, которого Дубенский пригласил на руководителя отдела кредитования.

Знакомство их случилось в две тысячи пятом году, когда один из партнеров смог уговорить Дубенского прочитать перед студентами столичного вуза небольшую лекцию об особенностях приватизации в России. Сергей Петрович долго сомневался, но, взвесив перспективность партнерства с ВУЗом, переступил через себя и выступил перед студентами. Сразу после доклада к нему подошёл еще совсем молодой человек, ростом выше среднего, с худощавым лицом и «горящими» глазами. Четверокурсник, не скрывая восторга, поблагодарил его за интересный рассказ. Дубенский, трезво оценивая свои ораторские таланты, накануне понервничал и оказался несказанно рад отзыву студента. Похвала его даже растрогала и молодой человек не преминул возможностью рассказать о своей мечте поработать в крупном бизнесе и поучиться у Сергея Петровича, который на тот момент состоял членом правления инвестиционной компании, занимавшейся жилой недвижимостью. Дубенский несколько смутился, но отказать не смог и протянул студенту визитку. Уже на следующий день он был удивлен звонку руководителя департамента персонала, который с дрожью в голосе сообщил, что от Сергея Петровича пришёл трудоустроиваться молодой человек.

- Как от меня? – возмутился Дубенский.

- Сергей Петрович, он визитку вашу мне дал и сказал, что вы вчера его пригласили работать менеджером в отдел продаж.

- Вот дает! – вспыхнул Дубенский, но отдал должное смелости Германа. – Хорошо, он нам по квалификации подходит? Ну и вообще, как он вам?

- Неплохой парень, хотя конечно не специалист, но...

- Ладно, если подходит – берите, - разрешил Сергей Петрович, не предполагая, какими узлами свяжет их судьба.

Спустя несколько лет Дубенский вспоминал этот случай вместе с Германом, который признавался, что решил тогда «сыграть» на тщеславии Сергея Петровича и не прогадал, получив работу в компании, которая, впрочем, через два года лопнула. Тогда же обманутые дольщики раздули невероятную шумиху, подключив к делу прессу и правоохранительные органы. Сергею Петровичу удалось выйти сухим из воды лишь только потому, что по нескольким сделкам с квартирами Герман не упомянул его участия, а выставил дело так, будто сам совершил досадную должностную ошибку, наказание за которую лежало в области трудового законодательства, а не уголовного кодекса. Дубенский это отметил и если риск для Германа как для простого менеджера был минимален, то Сергею Петровичу это грозило крупными неприятностями, учитывая, что в числе прогоревших дольщиков оказались родственники нескольких высокопоставленных региональных чиновников.

Дубенский обладал удивительной деловой хваткой и порой интуитивно, словно матерый лис, за мгновения просчитывал развитие ситуации и выбирал для себя самый безопасный и, вместе с тем, выгодный путь. Безопасность, в самом широком смысле, он ценил выше выгоды, отчего встретить его участие в сомнительной сделке было практически невозможно, если только обстоятельства, например, прихоть вышестоящих людей, не заставляли его сделать заведомо проигрышный шаг.

С момента вступления в должность вице-президента банка к нему почти безоговорочно прислушивались на заседаниях правления, совете директоров и на акционерных собраниях. Его взвешенность и трезвость рассуждений вселяли в партнёров банка такую уверенность, что ему доверили реализовать инициированный им самим проект открытия нескольких новых кредитных отделений банка, что для «семейного» банка средней руки было делом новым и стратегически важным. Тем не менее Сергею Петровичу было оказано доверие и выделен в распоряжение значительный бюджет.

Несмотря на то, что возраст Дубенского подступал к шестидесяти, уверенность и твёрдость характера словно оставили отпечаток на всём его образе. Его седина и суховатое, смуглое и безупречно выбритое лицо напоминали Герману уже не молодых, но зрелых, мудрых и

полных сил голливудских звёзд, рекламирующих консервативные бренды в глянцевых журналах с мировым именем. Дубенский не терпел небрежности в одежде и всегда имел стильный, элегантный вид, и окружал себя исключительно изящными и почти совершенными физически женщинами, которые не без удовольствия и трепета посвящали ему себя в надежде завоевать его сердце или, как минимум, стать законными хозяйками его подмосковного дома. К сожалению, девичьим мечтам не было места ни в сердце Сергея Петровича, ни в самой последней кладовой роскошного особняка.

На момент получения приглашения в банк Германа и Сергея Петровича связывало уже более десятка лет. После неудачного опыта в недвижимости они вместе работали в исчезнувшем инвестиционном фонде, потом в краткосрочной финансовой корпорации и в другом, более посредственном банке. Сергей Петрович ценил Германа за прагматичность и удивительную проницательность, которой, к собственному сожалению, обладал не в полной мере.

Герману, на удивление Дубенского, удавалось проливать свет на самые запутанные ситуации, с которыми тот сталкивался по «пути наверх». Несмотря на всю свою практичность, Сергей Петрович старался выслушать мнение Германа всякий раз, когда дело касалось поведения того или иного коллеги, партнёра или конкурента. Иногда ему казалось, что Герман обладал каким-то даром, но тотчас переубеждал себя в обратном, боясь выпасть из рамок привычного рационализма. Дубенский часто спрашивал Германа, как тот мог определить, что кто-то поступит именно «так». На что Герман улыбался и рассказывал, как сделал вывод, наглядно представляя всю цепочку умозаключений, которая теперь казалась Дубенскому настолько очевидной, что он сетовал на отсутствие у себя подобных аналитических способностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.